

Гилберт К. Честертон

ЧТО СТЯСЛОСЬ С МИРОМ?

Художественная публицистика

ФТМ

Москва, 2022

УДК 82/821
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для RoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Перевод с английского *Наталии Трауберг*

Честертон, Г. К.

Что стряслось с миром? Художественная публицистика: Сборник / Гилберт Кийт Честертон. Перевод с англ. и комментарии к «Автобиографии» Н. Л. Трауберг. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 500 с.

ISBN 978-5-521-74843-3

Литературное наследие классика английской литературы Гилберта Кийта Честертона (1874–1936) необытно и включает в себя политические памфлеты и теологические статьи, романы, шуточные стихи, пьесы и поэмы, детективные рассказы и романизированные биографии и жизнеописания. В книгу «Что стряслось с миром?» вошли лучшие публицистические статьи Честертониз из сборников разных лет, такие как: «Защитник», «Еретики», «При всем при том», «Потрясающие пустяки», «Безумие и ученость» и др., а также литературные портреты Бернарда Шоу, Шарлотты Бронте, Савонаролы, Редьярда Кипплинга, Омара Хайяма, Герберта Уэллса и собственный критический портрет – «Автобиография» человека с Золотым Ключом.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Перевод. Н. Л. Трауберг, 2022
© Комментарии к «Автобиографии».
Н. Л. Трауберг, 2022
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ISBN 978-5-521-74843-3

«АВТОБИОГРАФИЯ»

(1936)

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПО СЛУХАМ

3

Лепо преклоняясь перед авторитетом и преданием, суеверно принимая то, что не могу проверить ни разумом, ни опытом, я не сомневаюсь, что родился 29 мая 1874 года, в Кенсингтоне, на Кэмден-хилл, а крестили¹ меня по канонам англиканства в маленькой церкви св. Георгия, напротив которой стоит водонапорная башня. Соседства этих зданий я не подчеркиваю и гневно отрицаю, что только вся вода Западного Лондона могла сделать меня христианином.

Башне этой предстояло сыграть роль в моей жизни, о чем я еще расскажу. Те времена уже связаны с моим личным опытом, тогда как рождение, скажу снова, я принимаю на веру, словно темный крестьянин, поскольку знаю о нем от других; и, прежде

¹Честертон крестили 1 июля, назвали Гилбертом в честь крестного отца Томаса Гилберта. Второе имя — фамилия его бабушки по материнской линии (см.).

Г. К. Честертон Что страшно с миром?

чем перейти к тому, что я видел, посвящу короткую главу тому, о чем я слышал. Конечно, свидетельство отцов, точнее — свидетельство людей, можно оспорить, что и делают в бэкониянской дискуссии или библейской критике. Быть может, я родился совсем не там. Быть может, я потерянный наследник Священной Римской империи или дитя трущоб, выброшенное в Кенсингтоне, где и развились мои преступные наклонности. Нетрудно применить к моему появлению методы, применяемые к сотворению мира, и прийти к выводу, что я вообще не рождался. Однако мне приятнее думать, что и у меня, и у читателя есть разум, а потому он терпеливо вынесет скучный перечень сведений.

Родился я в почтенной, но честной семье, другими словами — в том мире, где слово «почтенный» еще не всегда было ругательством и сохраняло неясную связь со словом «читать». Уже в моей юности это менялось, что явствует из одного услышанного мной разговора. Мой отец, человек спокойный, веселый и умелый, сказал, что ему предложили войти в приходской совет, а мать, женщина порывистая и довольно мятежная на уровне чутья, вскрикнула: «Ой, Эдвард, не надо! Ты будешь таким почтенным! Мы же не были почтенными, стоит ли начинать?» На что отец мягко ответил: «Дорогая, ты рисуешь очень мрачную картину. Неужели мы никогда не были достойны почтения?» Те, кто читал «Гордость и предрассудок»¹, заметят, что в моем отце было что-то от мистера Беннета, а мать ничуть не походила на миссис Беннет.

Словом, мои родители принадлежали к довольно старомодному слою английского общества, где дельцу еще дозволялось заниматься своим делом. Им и не мерещилось просвещенное и дерзновенное мнение, согласно которому он крушит, подмина-

¹ «Гордость и предрассудок» («Гордость и предубеждение») — роман Джейн Остин (1775–1817), изданный в 1813 г.

ет и глотает других. Отец был либералом того толка, который предшествовал социалистам. Для него само собой разумелось, что все нормальные люди признают частную собственность; однако он и не пытался придавать ей хищный оттенок. Семья его была из тех, которые обычно процветают, но в современном смысле слова не отличалась предприимчивостью. Сам он стоял во главе фамильного дела, связанного с недвижимостью и основанного в том же Кенсингтоне за три поколения до него. Насколько я помню, их отличал местный патриотизм; старики не сразу согласились завести отделения в других местах. Эта безвредная гордость очень характерна для поколения деда. Помню, как однажды она привела к недоразумению, которого бы не было, если бы он не гордился втайне своим положением и даже местонахождением. Случай этот поможет понять самый дух тех лет.

Отец моего отца был красивым старцем с седой бородой. Мanners его отличались той величавостью, которая связана с провозглашением тоста. Он не изменил христианскому обычаю застольного пения и с исключительным достоинством пел «Изящный старый джентльмен» или более бравурные песни времен Трафальгара и Ватерлоо¹. Замечу мимоходом, что, дожив до шовинизма, я сохранил уважение к старым и бравым патриотическим песням. Мне кажется, английской словесности полезней строки о Веллингтоне у смертного одра Вильгельма IV:

Победу славила вся земля²,
Но ангел смерти ждал короля, —

чем то, что лет через двадцать завывали в мюзик-холлах:

¹ *Трафальгар и Ватерлоо* — крупнейшие сражения с войсками Наполеона. Морской бой при Трафальгаре — 1805 г., битва при Ватерлоо — 1815 г.

² *Король Вильгельм IV* (правил с 1830 по 1837 г.) был тяжело болен в тот день, когда праздновали годовщину битвы при Ватерлоо (18 июня). Умер он на два дня позже, и королевой стала его 19-летняя племянница Виктория (ум. в 1901 г.).

Г. К. Честертон Что случилось с миром?

Мы побеждаем всех врагов,
Солдаты ко-ро-ле-е-вы!

Я смутно подозреваю, что достоинство связано со стилем. Во всяком случае повадки и песни времен моего деда были достойными. Однако при всей приверженности к торжественной манере дед несколько удивился, когда к нему в контору пришел незнакомец и, поговорив с моим отцом, тихо спросил, удостоят ли его знакомства со старшим партнером. Потом, благоговейно приблизившись к деду, он отвесил глубокий поклон и почтительно произнес:

— Сэр, вы наша гордость. Вы — памятник!

Слегка польщенный дед учтиво проурчал, что его фирма и впрямь давно известна в Кенсингтоне.

— Вы — историческая личность, — не унимался посетитель. — Вы изменили судьбы церкви и государства.

6

Дед еще как-то признавал, что таким поэтическим способом можно описать хорошую фирму, но отец, разбиравшийся в церковных делах, вдруг вспомнил процесс «Уэстертон против Лиделла», на котором церковный староста обвинял vicar в самых темных злодеяниях папизма, скажем — в приверженности к стихарям.

— Надеюсь, — продолжал гость, обращаясь к столпу протестантства, — теперь у вас в приходе все так, как вы хотите.

Дед благосклонно сообщил, что он не слишком озабочен церковными делами. Гость растерялся, и отец объяснил тонкое различие между Уэстертоном и Честертоном. Рассказывая об этом, дед непременно замечал, что к последней своей фразе прибавил: «...Если все идет по чину»; но скептики, как ни печально, считали это интерполяцией.

Однако главное в том, что дед не очень удивился, когда его называли памятником. В том далеком мире это было типично для среднего класса, даже для мелких дельцов. С тех

пор данный вид английской bourgeoisie так изменился или измельчал, что я даже не знаю, есть ли он. В Англии вроде бы нет, а в Америке и не было. Средний класс действительно был классом и находился посередине. К счастью и к несчастью, иногда преувеличивая, он отделял себя и от тех, кто ниже, и от тех, кто выше. О рабочих классах он слишком мало знал, что очень плохо отозвалось на следующем поколении. Он почти ничего не знал даже о собственных слугах. Моя семья хорошо обращалась с ними, но сословие, как таковое, не ведало ни демократического панибратства, которое отличает крикливых европейских хозяек, ни феодального дружелюбия, которое еще можно встретить у настоящей знати. Приведу пример, известный мне по слухам. Наша родственница приехала к друзьям, когда их не было. Стряпал для нее кто-то из старших слуг, скажем — кухарка. Она твердо знала, что слуги стряпают себе отдельно, а кухарка твердо знала, что они доедают оставшееся от хозяев, и посылала утром наверх пять ломтиков ветчины. Гостья, страдавшая еще одним тогдашним предрассудком, полагала, что ничего нельзя расходовать впустую, не замечая, что съеденное против воли израсходовано именно так. Она съедала все ломтики, назавтра получала семь и, немного побледнев, шла стезею долга. Ощущая, что и ей пора поесть, кухарка отправляла штук девять. Дама, собрав все силы, кидалась на них и сметала их с поля битвы. Так и шло, поскольку два сословия сохраняли учтивое молчание. Не смею представить, чем это кончилось. По логике, кухарка должна была зачехнуть, а дама — лопнуть. Наверное, разные этажи все-таки вступили в переговоры. Как бы то ни было, слабое место того мира в том, что его чувствительность не распространялась на слуг. Викторинанец усмехался, читая о вассалах, сидевших на нижнем конце стола, и не замечал, что его челядь живет почти под землей.

Г. К. Честертон Что случилось с миром?

Но как бы мы его ни осуждали, как бы охотно ни подхватывали бессмертные слова песни будущего, звучащие, по слухам, так:

Мы про-ле-та-ри-ат обожествляем,
А вот буржуазию пре-зи-ра-ем! —

он тоже имеет право на историческую справедливость. Говоря о среднем классе той поры, можно припомнить не только его отношения с «низшими». К примеру, он овладел культурой, а потому слишком боялся «грубых влияний». Он пекся о том, чтобы правильно писать и правильно говорить, и это ему удавалось. Со свойственной детям хитростью я рано заметил, как бояться старшие, что я перейму говор слуг. Если верить преданию, года в три-четыре я хотел гулять без пальто и в пароксизме гнева привел сокрушительный довод: «А то я скажу без пальта».

Забота о чистоте речи, которую сейчас я могу и бранить, имела хорошую сторону. Мой отец знал наизусть всю английскую литературу, и я многое запомнил гораздо раньше, чем понял. Я повторял белый стих Шекспира, не догадываясь о смысле; может быть, так и надо любить стихи. По слухам, лет в шесть или семь я пылко читал на улице:

Любезный Гамлет, отжени печаль
И погляди на Данию с улыбкой.
Достойно ли, потупив очи долу,
Искать во прахе своего отца?

На этих словах, споткнувшись, я упал лицом вниз.

Еще меньше ценят то, что средний класс резко отделял себя не только от «низших», но и от «высших». Позже, как ни жаль, он распался на снобов и умников. Первые хотят пролезть в общество, вторые войти в общества — вегетарианские, социалистические или еще какие-нибудь. Те, о ком я пишу, не были ни безумцами, ни выскочками. Конечно, снобы попадались, но

держались особняком. Вообще же со знатью общались только по делу. Теперь и не поверишь, но средний класс был слишком горд для снобизма.

К примеру, вся эта часть Кенсингтона похожа на карту или план к очеркам Маколея¹. Мы их, конечно, читали и, по своей простоте, даже им верили. Мы знали по именам тех знатных вигов, которые совершили переворот² (случайно на этом нажившись), а имена эти рассыпаны по всему Кенсингтону. Каждый день мы проходили мимо Холланд-парка, где Маколей некогда бывал, и видели статую лорда Холланда³, а также ту надпись, в которой он хвалится родством с Фоксом⁴ и дружбой с Грэем⁵. Напротив дома, куда я переехал в детстве, была улица>Addисона⁶, а самое место, где дом стоял, носило имя Уоррика, который приходился>Addисону пасынком. Дальше, к югу, появлялось имя Расселов, еще южнее — имя Кромвела. Рядом с нашим первым домом, на Кемден-хилл, звенело имя Аргайлов⁷. Для меня имена эти и впрямь звенели, как для вся-

¹ *Лорд Томас Бабингтон Маколей* (1800–1859) — английский историк и поэт.

² Речь идет о так называемой «славной революции» 1688 г., когда вигам, предшественникам либералов, удалось сравнительно мирно отстранить от власти короля Иакова II (правил с 1685 г.) и посадить на трон его дочь Марию с мужем Вильгельмом Оранским (Мария II, ум. 1694, и Вильгельм III, ум. 1702).

³ *Лорд Холланд; Холланд-Хаус* — Генри Фокс, 1-й барон Холланд, купил в 1747 г. дом с парком, построенный в первой половине XVII в. В конце XVIII — начале XIX вв. там был либеральный литературно-политический салон, который посещали многие знаменитости от Ричарда Шеридана (1751–1816) до Чарльза Дикенса (1812–1871).

⁴ *Сэр Чарльз Джеймс Фокс* (1749–1806) — сын барона Холланда, крупнейший политический деятель.

⁵ *Граф Чарльз Грей* (1764–1845) — английский государственный деятель, в 1830–1834 гг. был премьер-министром.

⁶ *Джозеф>Addисон* (1672–1719) — английский поэт, драматург и эссеист, выпускавший вместе с сэром Ричардом Стилом (1672–1729) сатирические журналы «Тэтлер» и «Спектейтор».

⁷ *Уоррики, Расселы, Аргайлы* — знатные роды. Заметим, что это — не фамилии, а титулы. Скажем, норманнский род Кэм(п)беллов, еще в XIII в. поселившийся в Шотландии, получил графский титул в 1457 г. (графы Аргайла), а герцогский — в 1701 г.

Г. К. Честертон Что страшно с миром?

кого, кто знает историю; но мне и в голову не приходило познакомиться с их обладателями, мне этого даже не хотелось. Помню, как смеялся отец, когда я читал балладу Вальтера Скотта, где есть такая строка:

Аргайл и Эрли меж собой ведут великий спор.

10

Он, занимавшийся недвижимостью, знал, что земли их — рядом, так что они вполне могут затеять спор, который его коснется. Со старым герцогом Аргайлским он общался по делу и любопытства ради показывал мне его письмо, которое было для меня музейной диковинкой. Встречи с Маккалумом Мором¹ я ждал не больше, чем того, что Грэхэм Калверхаус² прискочит к нам на черном коне или что Карл II³ зайдет выпить чаю. Сказать об этом стоит, чтобы объяснить борьбу, в которую я ввязался гораздо позже. Через много лет мне посчастливилось участвовать в скандале, связанном с продажей титулов. Многие считали, что, обличая ее, мы попусту тратим силы. Это не так. Совсем небезразлично, что делают с титулом, и я достаточно стар, чтобы измерить разницу между тем, что было, и тем, что есть. Раньше я почитал лорда Лорна за то, что он связан с историей, и, если меня знакомили с лордом Морном, испытывал те же чувства. Теперь второй лорд может оказаться ростовщиком с любой европейской помойки. Честь не продали, ее уничтожили.

Совсем по другим причинам упомяну одно знатное семейство, связанное с нашей фамильной фирмой — конечно, как

¹ Маккалум Мор — 8-й герцог Аргайлский, умерший в 1887 г., когда Честертону было 13 лет. Его сын был женат на дочери королевы Виктории, принцессе Луизе.

² Джон Грэхэм Калверхаус, 1-й виконт Данди (ок. 1644—1688) — сторонник Иакова II, пытавшийся вернуть ему власть.

³ Карл II (1630—1685) — старший брат Иакова II, сын Карла I. Правил с 1660 г., после восстановления монархии.